

СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ О ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНАХ¹

Н.Н. Тарусина

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»,
г. Ярославль

Предлагаются размышления об этической некорректности, психологической дискомфортности либо небрежности, допускаемых российским законодателем при конструировании нормативно-правовых предписаний (при использовании терминов, терминологических конструкций, попытках дефинирования понятий). Образцы подобного рода обнаружены, в силу строго определенных научных интересов автора, в законодательстве социальной сферы – в широком ее значении (семейном, трудовом, страховом, медицинском). Среди прочего обращается внимание на своеобразные проявления при терминологическом обеспечении текстов гендерных стереотипов и неточностей.

Ключевые слова: термины, российское законодательство, этика, гендер, психологический дискомфорт, некорректность смыслов.

«Causus belli» к предлагаемым размышлениям явились несколько предпосылок. Первая: интеллектуальный и эмоциональный протест относительно гендерной дискриминации в терминологическом поле. Вторая: контрэтический подход к некоторым терминологическим смыслам. Третья, сугубо факультативная: ироничная подача проблемы гендерного филологического равенства в книге Барнса «Как все было»². В статье, что следует уже из ее названия, мы не преследуем цели систематизации терминологических «неурядиц» и вариантов их преодоления – мы лишь акцентируем внимание на некоторых аспектах проблемы.

Очевидно, что юридический мир, мир законодательства и правоприменительной практики не имеет невербальной формы существования: слово пронизывает пространство права, придавая ему реальность бытия, формируя положительные (или отрицательные) векторы правосознания российских граждан – профессионалов и не профессионалов.

При этом российское законодательство в своем терминологическом и онтологическом бытии унаследовало немало обыкновений

---

¹ Исследование выполнено в рамках Программы развития ЯрГУ, проект № П2-К-1-Г-2/2021.

² «Стюарт внес предложение: поскольку мужской род звучит неточно, или оскорбительно, или и то и другое, а употреблять обе формы с союзом «или» громоздко и непривычно, напрашивается решение – пользоваться в таких случаях множественным числом: «Кто-нибудь подумали», «Никого не пришли» [9, с. 18].

законодательства советского периода. Сама по себе подобная рецепция, преемственность составляет одну из закономерностей эволюции права. Однако очевидно, что не всякая рецепция является для правовой системы благом. Так, например, результат анализа терминологических решений российского законодателя свидетельствует о его преемственности в вопросе активного использования нравственных конструктов, придания им юридического, хотя нередко и сугубо декларативного значения, – при одновременном внедрении в нормативную ткань этически сомнительных терминов.

Для нашего законодателя также характерно безразличное отношение, хотя и не тотальное, к гендерному смыслу слов и словосочетаний. Наконец, в пространстве филологии права встречаются конструкции, способствующие если не подрыву, то, по крайней мере, ослаблению целеполагания правовых норм. В этом смысле особая дискомфортность наблюдается в сфере законодательства (на уровне отрасли права или отдельных ее правовых институтов) социальной направленности – социально-обеспечительном, трудовом, семейном, наследственном, медицинском. При этом означенные проблемы обновляются усилиями и современных российских творцов нормативных правовых актов.

Первое конкретное размышление – об этичности и психологической комфортности (собственно, дискомфорта) некоторых юридических терминов именно в социальной сфере. Так, в норме ст. 4 Федерального закона «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [6] употребляется формулировка «срок дожития». Согласитесь, что циничнее словосочетания придумать сложно. В противовес означенной терминологической конструкции в Постановлении Правительства РФ от 02.06.2015 г. № 531 «Об утверждении методики оценки ожидаемого периода выплаты накопительной пенсии» (в редакции от 26.03.2020 г.) [9] используется вполне корректное словосочетание (хотя, возможно, и не идеальное): «ожидаемая продолжительность предстоящей жизни». Конечно, прямая и публичная констатация, что человек не вечен, не всем приятна (несмотря на ее очевидность). Однако при этом Правительство все же избегло явного филологического цинизма и равнодушия. Разумеется, можно предположить, что законодатель в первом образце руководствовался соображением технико-юридической целесообразности, однако последняя далеко не всегда должна находиться в приоритете – в юридической и социальной практике в целом представлены и другие ценности.

Еще один «иллюстрат» предлагается гражданским (наследственным) законодательством: в норме ст. 1150 Гражданского кодекса РФ [1] сообщается о правах «пережившего супруга». Ни единого раза не встретила в цивилистической литературе сомнения относительно этичности и комфортности означенной конструкции. А ведь и внешне, и по смыслу она выглядит страшновато, в духе Хичкока...

Почти ни у кого не вызывает сомнений и правомерность использования словосочетаний «одинокая женщина» и «одинокая мать» (вариация – «мать-одиночка»), данного нам, в порядке преемственности [19, с. 72], законодательством 40-х годов XX века³. В частности, первое активно употребляется в нормах ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [7]: «Одинокая женщина также имеет право на применение вспомогательных репродуктивных технологий...» (п. 3; см. также п. 9). (В Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ) предлагается другая филологическая конструкция: «В случае рождения ребенка у матери, не состоящей в браке...» – п. 3 ст. 51.) Второе прописано в трудовом законодательстве (ст. 261, 263 Трудового кодекса РФ). Видимо, законодатель (а также и политики со времен означенного указа) подсознательно выстроил данную терминологическую формулу на основе квазитрадиционных представлений об «одиночестве» женщины вне брака – в отличие от мужчин, в отношении которых термин «одинокий» не употребляется (и, предполагаем, не мыслится) [17, с. 142].

В связи с этим следует также подчеркнуть, что метафоричность юридических терминов – и зло, и благо [13, с. 11–19]. При этом скорее благо, если она используется в сфере юридической науки⁴ и практики (до известных пределов), и скорее зло, когда метафора проникает (а иногда даже диктует смыслы) на территории правотворчества.

По-прежнему вызывает оторопь (по крайней мере у автора статьи) термин «суррогатная мать» (ст. 55 уже упоминавшегося ФЗ и др.). Целевая направленность предлагаемого текста не позволяет (скорее не предполагает) высказаться по существу самого института – об этом немало «сломано копий» как в юридической науке, так и в прикладной юриспруденции, включая конституционное правосудие и законотворчество, однако филологический, этический и психологический контексты вопиют, по меньшей мере, к размышлению, а, в принципе, и к поиску замещающей терминологии, т. к. действующий вариант неукоснительно и с очевидностью вызывает ассоциацию с «инкубатором» и торговлей детьми. Кстати, в норме п. 4 ст. 51 СК РФ [3] равновесно используются две формулы – «суррогатная мать» и «женщина, родившая ребенка».

---

³ В частности, см. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня”, учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”» [8].

⁴ Наша статья (и в целом стилистика автора) является в этом плане полем для дискуссии о допустимых пределах метафоричности, изобретения «новослов», устойчивости юриспруденции к «филологическим изыскам и фантазиям»...

Второе конкретное размышление касается гендерного аспекта терминологических предпочтений законодателя. О таковых предпочтениях законодателя в виде словосочетаний «одинокая женщина» и «одинокая мать» мы уже высказались в первой группе тезисов об этичности и психологической дискомфортности. Совершенно очевиден и их гендерный контекст. Несмотря на объявление в территориях политики [23, с. 74–93], юриспруденции и социальной практики идеи гендерного равенства, реальное воплощение означенной идеи пока весьма далеко не только от совершенства, но даже от качественного результата [16]. Это стратегическое заявление правомерно и для тактических аспектов правотворчества.

Так, повсеместно (на теоретическом, законодательном, правоприменительном, бытовом уровнях) применяется термин «усыновление» вместо пары «усыновление/удочерение». Последняя используется, например, только в названии соответствующей главы (гл. 19 СК РФ) и открывающей ее нормы ст. 124, далее применяется только «мужская» версия.

Своеобразием отличается «алфавитное» решение нормативно-правовых текстов. Например, с точки зрения таковой последовательности начальных букв юридических терминов следовало бы писать: «брак – союз женщины и мужчины», «бабушки и дедушки», «мачеха и отчим», «падчерица и пасынок», «удочерение/усыновление» и т. п. – в то время как мы имеем в тексте закона обратную последовательность. Для активных феминисток это дополнительная возможность «довооружения». Поскольку автор относит себя к «классическому типу» женщин, то ограничивается лишь констатацией означенного своеобразия законодательной техники и филологических традиций. При этом следует заметить, что в более позднем законе (по сравнению с СК РФ), ФЗ «Об опеке и попечительстве» [5], принята иная последовательность – «бабушки и дедушки» как кандидаты в опекуны/попечители. Было ли это осознанное решение законодателя или случайность – история умалчивает...

Не менее (если не более) ярко обсуждаемый контекст проявляется в наименовании должностей – даже в тех случаях, когда женский род вполне уместен. Например: заведующий/заведующая кафедрой. При этом, напротив, многие наименования, если предъявлять к ним аналогичное требование, будут выглядеть экзотически или анекдотично: швея-мотористка и швей-моторист, медсестра и медбрат, секретарь-машинистка и секретарь-машинист, декан и деканша, председатель и председательница/председательша и т. п. Поэтому и в данном вопросе сугубо феминистский взгляд в целом не имеет и не должен иметь шансов на реализацию – только лишь на корректировку в весьма редких (но оправданных) случаях.

Третье размышление, не вполне конкретное. Рядом с сугубо терминологическими аспектами актуализирована проблема законодательного дефинирования понятий как ключевых, так и институционального типа. Она, как правило, характерна для тех нормативных правовых актов, включая федеральные законы и их кодифицированные формы, которые были приняты более 20 лет назад⁵.

Между тем «рай понятий» для юристов достигается тогда, «когда общему понятию придается постоянное значение не только при каждом применении правила, но и всякий раз, когда оно возникает в любом правиле правовой системы» [22, с. 129–133]. Универсальная, основанная на теоретическом и законотворческом конвенционном соглашении дефиниция является фактором стабилизации и конкретизации правовой регламентации, способом выражения ключевой идеи законодателя применительно к тому или иному объекту правового регулирования [10, с. 26–27].

К числу ярких «иллюстрантов» относится СК РФ. В нем представлены лишь несколько «дефиниций», сформулированных как бы «между делом», подчас весьма неточных. При этом подобные попытки строятся на основе неотдефинированных базовых понятий, что вызывает терминологическое движение по замкнутому кругу. Так, например, косвенное определение фиктивного брака (п. 1 ст. 27) опирается на понятие семьи: «... в случае заключения фиктивного брака, т. е. если супруги или один из них зарегистрировали брак без намерения создать семью». Между тем, нормативно-правовое определение семьи (с констатацией ее существенных признаков) в законодательстве отсутствует, а в цивилистике долгие годы продолжаются дискуссии о целесообразности (или же возможности) ее дефинирования – в то время как в ряде государств ближнего зарубежья вопрос решен положительно [21, с. 21–33], а предложенные определения не вызывают принципиальных возражений.

Другим, не менее ярким, образцом игнорирования потребностей социума и юридической практики, конечно же, является понятие брака. В связи с ним в цивилистике долгие годы велись споры, в которых в качестве одного из аргументов выводилось соображение о социальной сложности данного явления и понятия, его обозначающего (формализующего) [21, с. 24]. При этом «непреодолимые трудности» с легкостью устранялись в многочисленных вариантах дефиниций брачного союза, размещенных в статьях, монографиях и учебниках, сводившихся, за минусом различных этико-эмоциональных терминов о любви и уважении, к очевидным обязательным элементам: основан на

---

⁵ В последние годы правотворческие технологии предполагают дефинирование используемых в нормативном правовом акте понятий в качестве обязательной компоненты, что, как правило, и соблюдается.

соглашении мужчины и женщины, соответствует условиям действительности, закреплена государственной регистрацией, преследует цель создания и поддержания семейных отношений, порождает личные и имущественные права и обязанности супругов.

Примером неудачной попытки определения понятия является нормативно-правовое представление о ребенке: «Ребенком признается лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия)». Какие юридические тонкости проигнорированы законодателем в этом заявлении, давно зафиксировано в доктрине [12, с. 149–152].

Законопроектные работы по преодолению означенного пробела в общей части Семейного кодекса РФ в целом завершены, соответствующие предложения представлены в обе палаты Федерального собрания, однако процесс принятия поправок явно затягивается (их уже более 10 лет обсуждают и редактируют профильные комитеты и экспертное сообщество – с активным участием известных семейноведов [14, с. 3–6; 15, с. 3–9]).

В законодательстве встречаются и специфические смысловые погрешности. Так, например, в норме ст. 49 Семейного кодекса РФ законодатель призывает суды при рассмотрении дел об установлении отцовства и вынесении решения принимать во внимание только доказательства, «с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от конкретного лица» [20, с. 52–62]. Мы при анализе проблем судейского усмотрения, гендерной дискриминации и др. [18, с. 254–273] неоднократно указывали на некорректность данной формулировки, т. к. ее действующая редакция по сути формально, хоть и опосредованно, разрешает судам по другим категориям дел выносить решения, основанные на недостоверных сведениях... При этом гражданско-процессуальные нормы общего типа (пп. 1–3 ст. 67 Гражданского процессуального кодекса РФ [2]) содержат универсальное указание о принятии доказательств по любому гражданскому делу в том числе на основе требований достоверности, а их оценке – с соблюдением принципа всестороннего и объективного их исследования. Возникает вопрос, чем же руководствовался законодатель в своем частном призыве? Ответ: необоснованной преемственностью прежних дискриминационных норм, запрещавших или (на очередном этапе) ограничивавших возможности суда при разрешении дел означенной категории [17, с. 139].

Подводя итог своим «юридико-филологическим» заметкам (почти на полях), с сожалением констатируем, что отношения между юриспруденцией и науками о русском языке далеко не всегда учитывают этические и логические смыслы слов и словосочетаний (а также и более пространных суждений), их психологические «заряды» и иные типы воздействия на субъектов пассивного исполнения и активной реализации норм российского законодательства. Достижение симфонии этих

смыслов и эмоций о них, конечно, предполагает непростую дорожную карту и долгий путь, но уточнять ее координаты и реперные точки – константа для юридической науки и законотворчества.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ // СПС «Гарант».
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 25.02.2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 24.04.2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Закон РФ от 27.11.1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня”, учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Правительства РФ от 02.06.2015 г. № 531 «Об утверждении методики оценки ожидаемого периода выплаты накопительной пенсии» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Баранов В.М. Законодательная дефиниция как общеправовой феномен // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические и практические проблемы / под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. Нижний Новгород, 2007. С. 24–66.
11. Барнс Дж. Как все было. Азбука, СПб., 2020. 318 с.
12. Величкова О.И. О понятии «ребенок» в свете положений Семейного кодекса РФ и Конвенции о правах ребенка // Материалы международной научно-практической конференции «Семейное право на рубеже XX-XXI веков: к 20-летию Конвенции ООН о правах ребенка. Казань: КФУ, 2011. С. 149–152.
13. Власенко Н.А. Метафоры в праве: методологическая опасность и перспективы // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1. С. 11–19.
14. Ильина О.Ю. Концепция совершенствования семейного законодательства как инструмент гармонизации частных и публичных интересов // Семейное и жилищное право. 2015. № 6. С. 3–6.
15. Ильина О. Ю. Эволюция семейного права и законодательства: цели и маршрутизация процесса // Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития: сб. статей по итогам III Новосибирского международного юридического форума. В 2-х частях / под ред. О.Н. Шерстобоева, М.В. Громоздиной, М.С. Саламатовой. Новосибирск, 2021. С. 3–9.

16. Лушников А.М., Лушникова М.В., Тарусина Н.Н. Гендер в законе. М.: Проспект, 2015. 480 с.

17. Тарусина Н.Н. Гендер в законе и семейные ценности: в поисках баланса // *Lex Russica (Русский закон)*. 2022. Том 75. № 1. С. 131–146.

18. Тарусина Н.Н. Доказывание по гражданским делам из личных семейных правоотношений: трудности жанра // *Вестник гражданского процесса*. 2019. Т. 19. № 9. С. 254–273.

19. Тарусина Н.Н. Негативная преемственность в семейном праве: несколько штрихов в стиле экспрессионизма // *Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки*. 2022. Т. 16. № 1. С. 70–81.

20. Тарусина Н.Н. Несколько тезисов о праве родиться // *Lex Russica (Русский закон)*. 2021. Том 74. № 5 (174). С. 52–62.

21. Тарусина Н.Н. Семья как общеправовая конструкция // *Lex Russica (Русский закон)*. 2020. Том 73. № 4 (161). С. 21–33.

22. Харт Г. л. А. Понятие прав. СПб: СПбГУ, 2007. 302 с.

23. Tarusina N., Isaeva E. Equalization of legal status with respect to gender // *Russian Law Journal*. 2016. Т. 4. № 3. С. 74–93.

Об авторе:

ТАРУСИНА Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и семейного законодательства ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», Заслуженный юрист РФ, SPIN-код: 5565-5523, e-mail: nant@uniyar.ac.ru

SUBJECTIVE NOTES ON LEGAL TERMS

N.N. Tarusina

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl

The article offers reflections on ethical incorrectness, psychological discomfort or negligence allowed by the Russian legislator in the construction of legal regulations (when using terms, terminological constructions, attempts to define concepts). Samples of this kind were found, due to the strictly defined scientific interests of the author, in the legislation of the social sphere - in its broad meaning (family, labor, insurance, medical). Among other things, attention is drawn to the peculiar manifestations of gender stereotypes and inaccuracies in the terminological provision of texts.

Keywords: *terms, Russian legislation, ethics, gender, psychological discomfort, incorrectness of meanings.*

About author:

TARUSINA Nadezhda – PhD in Law, Professor, Head of the Department of Social and Family Law of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Honored Lawyer of the RF, SPIN-code: 5565-5523, e-mail: nant@uniyar.ac.ru

Тарусина Н.Н. Субъективные заметки о юридических терминах // *Вестник ТвГУ. Серия: Право*. 2022. № 3 (71). С. 115–122.